

Лихачева Елена Осиповна

**Европейские реформаторы Гус,
Лютер, Цвингли, Кальвин**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е50

Е50 **Елена Осиповна Л.**
Европейские реформаторы Гус, Лютер, Цвингли, Кальвин / Лихачева Елена Осиповна –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 278 с.

ISBN 978-5-519-93659-0

ISBN 978-5-519-93659-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

РЕФОРМАЦІЯ И РЕФОРМАТОРЫ.

РЕФОРМАЦІЯ И РЕФОРМАТОРЫ.

Реформація XVI-го вѣка принадлежитъ къ числу тѣхъ событій, на которыхъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается мысль образованнаго человѣка. Обстановка, при которой она совершилась, давно уже не существуетъ, страсти, ею вызванныя, охладѣли, вопросы, ею возбужденные, отошли на второй планъ; но связь, соединяющая ее съ современною жизнью, еще не порвалась, и она имѣетъ до сихъ поръ не одно только чисто-историческое значеніе.

Не рѣдко случается слышать, что время религіозныхъ споровъ прошло безвозвратно, что религіозныя идеи, какое бы значеніе онѣ ни сохраняли во внутренней жизни человѣка, перестали играть роль въ общественной и государственной жизни, и что, слѣдовательно, историческая эпоха, почти исключительно имъ посвященная, не можетъ представлять для насъ большого интереса. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Безспорно, религіозный вопросъ не господствуетъ болѣе надъ всѣми остальными, какъ въ XVI-омъ вѣкѣ; рядомъ съ нимъ и—съ точки зрѣнія общественнаго движе-

нія—выше его стоятъ многіе другіе, о которыхъ не имѣли понятія современники Лютера и Кальвина; и мысль и жизнь вращаются въ рамкахъ несравненно болѣе широкихъ, въ областяхъ, прежде неизвѣданныхъ или закрытыхъ; но потерявъ часть своего могущества, религіозная, или лучше сказать церковная идея, въ самыхъ крайнихъ проявленіяхъ своихъ все-таки не лишилась его совершенно. Наше столѣтіе было свидѣтелемъ побѣдоносной реакціи въ средѣ обѣихъ главныхъ церквей западной Европы. Въ Бельгіи, во Франціи, въ Италіи ультрамонтанизмъ составляетъ чуть-ли не самое больное мѣсто народной жизни. Всесильная германская имперія прибѣгаетъ, въ видахъ необходимой обороны, къ чрезвычайнымъ мѣрамъ противъ іезуитовъ, т. е. находитъ себя вынужденною возобновить борьбу, начатую сто лѣтъ тому назадъ Шуазелемъ и Климентом XIV-мъ. Ватиканскій соборъ 1870 г. принимаетъ догматъ о непогрѣшимости папы, которую не рѣшались провозгласить даже тріентскіе фанатики XVI-го вѣка—и постановленію собора подчиняются почти всѣ католическіе епископы, не исключая тѣхъ, которые до послѣдней минуты ему противились. Правда, руководители ультрамонтанской партіи, вожди открытыхъ и тайныхъ іезуитовъ часто дѣйствуютъ подъ вліяніемъ соображеній, не имѣющихъ ничего общаго съ религіей; но въ чемъ же, какъ не въ вѣрованіяхъ массы, заключается источникъ ихъ силы, объясненіе ихъ успѣха? Съ другой стороны, на нашихъ глазахъ возникаютъ

новыя религіозныя ученія, или по крайней мѣрѣ образуются новыя религіозныя общества: въ сороковыхъ годахъ нѣмецкіе католики (*Deutsch-katholiken*), свободныя общины (*freie Gemeinden*), въ прошедшемъ и нынѣшнемъ году старокаатолики, не признающіе непогрѣшимости папы. Еще большее разнообразіе новыхъ сектъ представляютъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Однимъ словомъ, стоить только посмотрѣть внимательно вокругъ себя, чтобы найти много общаго между нашимъ временемъ и эпохой реформаціи. У насъ есть и темные люди (*Dunkelmänner, viri obscuri*) въ родѣ тѣхъ, надъ которыми смѣялись Ульрихъ фонъ Гуттенъ и его эрфуртскіе друзья, и крикуны въ родѣ Экка, и цѣлыя центры обскурантизма, какими были въ началѣ XVI-го вѣка парижская Сорбонна или Кельнскій университетъ, и труженики по образцу Меланхтона, и люди золотой середины по образцу Эразма Роттердамскаго. Нѣтъ только такихъ типическихъ, цѣльныхъ личностей, какъ Лютеръ или Кальвинъ; въ той сферѣ, о которой мы теперь говоримъ, нашъ вѣкъ ихъ не производитъ. Деллингеръ, отецъ Гіацинтъ—конечно блѣдные снимки съ великихъ реформаторовъ XVI-го вѣка; но дѣло, которому они служатъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ нѣкоторое сходство съ реформаціей. Если оно кажется намъ мелкимъ сравнительно съ нею, то это объясняется громадностью пріобрѣтеній, сдѣланныхъ съ тѣхъ поръ во всѣхъ областяхъ общественной жизни—пріобрѣтеній, которыми міръ въ значи-

тельной степени обязанъ реформаціи. Направленная непосредственно противъ церковныхъ обычаевъ и уставовъ она отразилась на всемъ тогдашнемъ обществѣ, на всемъ послѣдующемъ ходѣ событій. Луи-Бланъ не безъ основанія началъ съ Гуса и Лютера свою исторію французской революціи, хотя ни тотъ, ни другой не были революціонерами въ политическомъ смыслѣ этого слова. Они способствовали пробужденію умовъ, отдаленнымъ, но необходимымъ послѣдствіемъ котораго былъ переворотъ въ государственномъ и общественномъ устройствѣ Европы. Всякому шагу впередъ на этомъ поприщѣ должно было предшествовать ослабленіе оковъ, наложенныхъ на мысль средневѣковою доктриной. Честь перваго серьезнаго успѣха въ борьбѣ съ этой доктриной принадлежитъ Гусу, честь рѣшительной побѣды—нѣмецкимъ и швейцарскимъ реформаторомъ XVI-го вѣка.

Порицателями реформаціи являются въ настоящее время не одни только слѣпые приверженцы папской власти, но и люди совершенно противоположнаго направленія. Говорятъ, что реформація ничего не сдѣлала для освобожденія умовъ, а только измѣнила форму тяготѣвшаго надъ ними гнета; что мысль ничего не выиграла отъ замѣны одной тюрьмы тремя или четырьмя устроенными по одному и тому же образцу; что человѣкъ, осудившій на смерть Серве, стоитъ не выше людей, осудившихъ на смерть Гуса; что реформація задержала и извратила возрожденіе наукъ и искусствъ, начавшееся въ XV вѣкѣ —

возрожденіе, заключавшее въ себѣ всѣ условія для правильного движенія впередъ, для широкаго развитія личности и цѣлаго общества. Этотъ послѣдній упрекъ заслуживаетъ особенно внимательнаго разбора, потому что съ перваго взгляда онъ можетъ показаться заслуженнымъ.

Дѣйствительно, реформація застала европейское общество уже не въ тѣхъ глубокихъ потемкахъ, въ которыхъ оно было погружено въ XIII, даже въ XIV вѣкѣ. Возобновленное знакомство съ латинской и греческой литературой расширило умственный горизонтъ и потрясло господство средневѣковой рутины, присвоивавшей себѣ, безъ всякаго на то права, названіе науки. Къ концу XV вѣка гуманизмъ проникъ изъ Италіи въ Германію, Францію, Англію, оживилъ университетское преподаваніе, создалъ новую силу—свѣтскую ученость, значеніе которой стали признавать даже правительства. Заключенный сначала въ тѣсныя рамки каедръ или кабинета, гуманизмъ, — на примѣръ въ сочиненіяхъ Ульриха фонъ-Гуттена, — началъ мало по малу распространяться и за эти предѣлы. Можно было, по видимому, ожидать, что съ помощью все больше и больше развивающагося книгопечатанія и народныхъ школъ масса вновь пріобрѣтенныхъ свѣдѣній одѣлается, въ своихъ результатахъ, достояніемъ народа. Внезапно въ этомъ движеніи замѣчается остановка, совпадающая по времени съ реформаціей. Лютеръ, Кальвинъ провозглашаютъ вновь превосходство богословія надъ всѣми другими науками; по ихъ примѣру и подъ

ихъ вліяніемъ образованное меньшинство предается съ увлеченіемъ религіозной полемикѣ, конечно отвлекающей его отъ другихъ занятій. На мѣсто католической схоластики является схоластика протестантская, не менѣ враждебная истинной наукѣ. Такова картина, общее впечатлѣніе которой конечно неблагопріятно для реформаціи. Посмотримъ однако ближе на отдѣльныя ея части.

При всемъ блескѣ, который окружаетъ эпоху возрожденія, не трудно замѣтить, что она имѣетъ и оборотную сторону. По справедливому замѣчанію одного изъ новѣйшихъ историковъ, эта эпоха по преимуществу *воспроизводящая*, а не *производящая*. Изученіе древняго міра, изданіе и объясненіе латинскихъ и греческихъ писателей поглотило все вниманіе, всѣ силы небольшого кружка гуманистовъ. Они слишкомъ глубоко преклонялись передъ классическою литературой, чтобы создать что-нибудь новое, самостоятельное. Они были подражателями до мозга костей, и какъ всѣ подражатели, обращали вниманіе больше на форму, чѣмъ на сущность дѣла. Эстетическія красоты древнихъ писателей были для нихъ гораздо доступнѣе, чѣмъ античное міросозерцаніе, чѣмъ греческая или римская государственная жизнь. Сочиненія самыхъ знаменитыхъ итальянскихъ литераторовъ XV вѣка, тѣхъ самыхъ литераторовъ, которымъ современники ихъ предсказывали бессмертную славу (Поджіо, Филельфо, Марсиліо Фичино) — теперь совершенно забыты, именно потому, что оригинальности, самобытности въ нихъ нѣтъ и слѣда. Изъ

того же безусловнаго поклоненія древности происходило пренебреженіе къ отечественному языку, даже тамъ, гдѣ онъ былъ уже сформированъ, гдѣ существовала національная литература. Писатели временъ Медичи, гонясь за лаврами Виргилія или Цицерона, чуждались языка Данте, Боккачіо, Петрарки. Еще позже Эразмъ Роттердамскій гордился тѣмъ, что не знаетъ хорошо ни одного новѣйшаго языка. Правда, Макиавелли въ Италіи, Гуттенъ въ Германіи почти въ одно время начали писать на народномъ языкѣ, хотя и тотъ и другой получили классическое образованіе; но не слѣдуетъ забывать, что Макиавелли былъ ученикомъ Савонаролы, а Гуттенъ перешелъ отъ латинскаго языка къ нѣмецкому по примѣру Лютера и для защиты реформаціи. Дѣло въ томъ, что гуманизмъ не искалъ и не хотѣлъ искать вліяній на массу общества, относился къ ней свысока и жилъ внѣ времени и пространства. Противъ суевѣрія, невѣжества, злоупотребленій, его окружавшихъ, онъ имѣлъ только одно оружіе — тонкую насмѣшку, понятную для посвященныхъ, но вовсе и не рассчитанную на то, чтобы подѣйствовать на большинство, чтобы измѣнить требующее перемѣны. Равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ или даже совершенное безвѣріе не мѣшало гуманистамъ пользоваться покровительствомъ папы, епископовъ, аббатовъ. Еще замѣчательнѣе то, что съ безвѣріемъ или индифференцизмомъ часто соединялись суевѣріе, мистицизмъ, занятія алхиміей, или астрологіей. Пико-делла-Мирандола,

одинъ изъ самыхъ передовыхъ людей этого времени, подъ конецъ своей короткой жизни впалъ въ піетизмъ, близкій къ піетизму Савонаролы. Переходъ отъ средне-вѣковаго міросозерцанія къ античному былъ слишкомъ рѣзокъ, послѣдовательно его выдерживали немногіе, для огромнаго большинства онъ былъ рѣшительно невозможенъ. Какъ ни велики заслуги гуманизма, обновленіе общества не могло совершиться на его почвѣ и съ одною только его помощью. Необходимо было участіе другого двигателя, глубже проникающаго въ массу, сильнѣе затрогивающаго мысль и чувство, а такимъ двигателемъ въ XVI-мъ вѣкѣ могло быть только религіозное ученіе, свободное отъ мертвящаго формализма тогдашней римской церкви.

Всемирно-историческое значеніе реформации заключается не въ ближайшихъ практическихъ ея результатахъ, не въ положительныхъ ея созданіяхъ, а въ отрицательной ея сторонѣ, въ ея усиліяхъ отрѣшиться отъ стараго порядка вещей, въ ея идеальныхъ стремленіяхъ, еще не суженныхъ дѣйствительностью. Безспорно, двѣ или три новыя церкви, образовавшіяся вслѣдствіе реформации, имѣютъ слишкомъ много общаго съ тою, отъ которой онѣ отдѣлились, въ особенности если разсматривать ихъ не въ самый моментъ ихъ образованія, а нѣсколько позже, когда онѣ осѣли и застыли. Но не въ этихъ церквахъ слѣдуетъ искать исходную точку, идею реформации. Когда Лютеръ на лейпцигскомъ диспутѣ съ